

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ И. А. КРЫЛОВУ
(1—2 ноября 1994 года)**

С. А. ФОМИЧЕВ

ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ БАСНОПИСЕЦ

Исключительное место И. А. Крылова в историческом движении русской литературы определяется тем, что он — а это доступно лишь некоторым великим писателям — исчерпал предельные возможности литературного жанра в их полифонии. Писатель такого типа, как Крылов, столь же традиционен, как и непредсказуем. Он классик — и в смысле сохранения литературных заветов, и в смысле создания непревзойденного по сию пору образца, а потому его традиции не ограничиваются одним жанром, а оплодотворяют едва ли не все жанры национальной литературы. В. Г. Белинский считал, что в основании новой русской литературы лежат «Горе от ума» и «Евгений Онегин». При всей высокой оценке критиком крыловских басен, он все же не решился сказать то же и о них. Возможно, здесь сыграла роль репутация «дедушки Крылова» — благостная, с одной стороны, и анекдотическая — с другой, репутация, которую во многом творил сам поэт и которая живет по законам легенды по сей день. Деятельный свой ум Крылов прикрывал в быту маской ленивца. Но достаточно прочесть одну за другой его басни о фортуне и ленивце, чтобы понять, насколько иначе он мыслил.

Классическая басня вырастает на мощной многовековой культурной почве, храня в своей генетической памяти опыт поистине всего человечества. Так, крыловская басня «Ворона и Лисица», традиционно открывавшая весь его басенный свод, сюжетно восходит к басне Эзопа «Ворон и лиса». Но непосредственно Крылов ориентируется уже на басни Лафонтена и Сумарокова на тот же сюжет. У Эзопа ворон держит в клюве кусок мяса (что правдоподобнее), у француза Лафонтена — сыр. Любопытно, что последний учитывает обработку басенного сюжета в опытах византийского писателя Игнатия Диакона (VIII—IX вв.):

Ел ворон сыр; лиса хитрить пустилася'
«Будь голос у тебя — ты стал великим бы!»
Закаркал глупый, сыр из клюва выронив;
А та: «Есть голос у тебя, да мозгу нет»¹

На русской почве в данном басенном сюжете (у Третьяковского, Сумарокова, Хвостова и др.) тоже обычно упоминается сыр. Сумароков к тому же удачно заменяет Ворона вороной, тем самым существенно меняя сам регистр притчевого рассказа: по Эзопу, хитрая лиса обманула мудрого ворона — по Сумарокову, — разиню-ворону. Так подготавливается гениальная крыловская строка, открывающая рассказ: «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру...» Здесь — бездна пространства. В самом деле, Вороне (по Далю, ворона — нерасторопный, вялый человек, разиня, рохля, зевака) оказал помощь... сам Бог, но сколь ничтожен Божий дар — всего кусочек сыра. «Чем Бог послал», — обычно говорит хозяин, угощая гостя. Но у Крылова здесь вполне очевидный иронический парафраз: каждому же ясно, что Ворона где-то сыр украла (ср у Третьяковского: «Негде ворону унести сыра часть случилось...»; у Сумарокова: «Ворона сыру кус когда-то унесла...»). Так подготавливается изначально неожиданный, но закономерный финал басни: вор (плутовка) у вора (разини) украл.

Крылов, как видим, учитывает все оптимальные находки, отложившиеся в многочисленных обработках традиционного сюжета, вплоть до отдельных удачных выражений. Ср. у Сумарокова: «Какие ноженьки, какой носок...», а также в анонимной басне «Ворона и Соловей»: ворона «запела, или, лучше сказать, закаркала во все горло».² Впрочем, уже в своей шутотрагедии «Подщипа» («Трумф») Крылов воспроизводил механизм сладкой лести в речи Цыганки, обращенной к самодовольному Трумфу:

Подумай сам ладненько
Ну где есть личико другое так бельенко,
Где букли толще есть, где гуще есть усы,
И у кого коса длинней твоей косы?
Где есть такой носок, глазок, роток, бородка
И журавлиная степенная походка?
Ну есть ли девушка иль мужняя жена,
Чтоб, на тебя взглянув, не ахнула она?

¹ Классическая басня М., 1981 С 91 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте) О том, что Лафонтену были знакомы басни Игнатия Диякона свидетельствует басня французского баснописца «Пастух и Лев — Лев и охотник», где, в частности, упоминается «один грек, заостривший до предела этот изящный лаконизм Каждый сказ он вмещает в четыре строчки» (с 119) Понятно, почему из басни византийского писателя исчезло мясо в рационе простого византийца его не было «Утром подавали вареную пищу, два или три блюда, обычно из рыбы, сыра, бобов и капусты, приправленных оливковым маслом, вечером ограничивались хлебом, к которому добавляли овощи или фрукты» (*Каждан А П Византийская культура (X—XII век) М., 1968 С 11*)

² Московский журнал 1791 Ч 3, кн 1 С 197—198

И здесь, как и в крыловской басне, нет, по сути дела, ни одного слова лжи, разве что подсюсюкивание («носок, глазок, роток, борода») и точный расчет на убежденность глупца в своих самоочевидных достоинствах.

Как правило, басенный рассказ у Крылова к тому же в каждом сюжетном повороте освещается мудростью народной — пословицами, растворенными в подтексте. Приведем лишь некоторые из них, как бы аукающие крыловскому тексту: «Бог-то Бог, да и сам не будь плох»; «На что вороне большие разговоры, знай ворона свое „кра“»; «Лисье племя только льстит да манит»; «Где лисий хвост, где волчий рот»; «Лестью и душу вынимают»; «Лесть словно зубами съест»; «Каркала вещунья на свою голову».

Потому-то сказочный сюжет и оборачивается обычно у Крылова былью. Ведь не только ворона в просторечии разиня и воровка, но и лиса — лукавый, хитрый человек, пролаз, пронира, корыстный льстец.

И так вплоть до отдельных деталей рассказа. В докрыловской традиции, например, казалось несущественным, на дерево какой породы уселась ворона со своей добычей (только у Сумарокова сказано конкретно: «на дуб села»). У Крылова же — ель; возможно, это подсказано известным русским обычаем вывешивать на кабаке еловую ветку, что обусловило фразеологическую синонимичность: ель — кабак; ср.: «идти под елку» (в кабак); «елка (кабак) чище метлы подметает».

Тем самым басня Крылова теряет четкость дидактической ориентации, вроде бы прямо сформулированной в преамбуле басенного рассказа («Уж сколько раз твердили миру...» и пр.). Она разоблачает лесть, но не представляет в сюжете положительного героя. Так, по сути дела, и должно быть, ибо лесть подобна взятке, где наказуем должен быть и взяткодатель и взяточник. И порок этот — не только бытовой, но и социальный. Уж нам ли этого не знать, помнящим верховных правителей нескольких последних десятилетий...

Вот это-то и создает, как неоднократно отмечалось в педагогической литературе (как правило, с недоумением), непригодность крыловской басни для целей детского воспитания. Используя басню в качестве нравственной прописи, педагог нередко не находил отклика в наивном восприятии, реагирующем на басенный рассказ не умозрительно (как *должно*), а эмоционально и по сути более точно.

Так же дети обычно жалеют Стрекозу, прослушав басню «Стрекоза и Муравей», должную доказать, по мысли воспитателя, что бездельничать аморально.

Заметим, что у Эзопа праздный жук не наказывается, его лишь упрекает труженик-муравей — и вполне справедливо:

«В летнюю пору гулял муравей по пашне и собирал по зернышку пшеницу и ячмень, чтобы запастись кормом на зиму. Увидел его жук и посочувствовал, что ему приходится

так трудиться даже в такое время года, когда все остальные животные отдыхают от тягот и предаются праздности. Промолчал тогда муравей...» (с. 5).

Но в библейской книге «Притчи Соломоновы» (6,6—14) тот же сюжет моралистически заострен:

«Подойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым

. он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою .

...человек лукавый, человек нечестивый ходит с лживыми устами, мигает глазами своими, говорит ногами своими, дает знаки пальцами своими. .

..Зато внезапно придет погибель его, вдруг будет разбит — без исцеления»

Ригористическая жестокость такого приговора смущала русских баснописцев. В басне Хемницера «Стрекоза» Муравей хотя и произносит бездельнице приговор («Пропела? Хорошо! поди ж теперь свищи»), —

Но это только в поученье
Ей Муравей сказал,
А сам на прокормленье
Из жалости ей хлеба дал

В басне Муравьева «Стрекоза» сюжет усложняется: Стрекоза попадает на прокорм вместе с кузнечиками и оправдывается:

«Лишь то во весь мой век утеха мне и труд,
Что с былия на стебель неслась и восхищалась
Увы! почто даешь ты мне толь строгий суд?»
— Не обвиняй меня, — мужик рек на прощенье, —
Зачем в сообществе была ты таковым?»

Отсюда мораль:

О души, коих есть невинность украшенья!
Бегите общества с злодеем и врагом

В басне Озерова «Кузнечик» (то же в басне Нелединского—Мелецкого «Стрекоза», прямо полемичной по отношению к крыловской интерпретации традиционного сюжета) в противовес Эзопу и Соломону рассказ однозначно направлен против Муравья:

Но Муравей довольно всем знаком
Великий скопидом
Ни зернышка он даром не погубит,
Охотник собирать, а раздавать не любит
«Да как же запастись ты в лето не успел?» —
Спросил Кузнечика капиталист нечивый

«Так ты, голубчик, пел, пляши же голубца!»

В басне Крылова все сложнее Крыловский Муравей не скопидом, не «нечивый капиталист» — он работник. И мораль, выраженная его жестоким приговором («Ты все пела?»

это дело Так поди же попляши!»), — трудовая, крестьянская, многожды проверенная народной практикой «День (летний) год кормит», «Делу время, а потехе час» и т. п. Есть, правда, — как это нередко в пословичном фонде, — и заветы, прямо противоположные: «Дело не медведь, в лес не уйдет», «Не хлебом единым жив человек», «Молодо-зелено, погулять велено» и пр. Но в басне Крылова приоритет, несомненно, остается за правдой труженика. Это жестоко? Но разве представление о том, что народ добр, не грешит прекраснотушением? Выявляя этот беспощадно пророческий смысл басни, Куприн в рассказе «Попрыгунья-стрекоза» на пороге грозных потрясений русской истории начала XX в. пребывает в русле крыловской морали — трезво умного, а не благостного представления о народе.

Басни Крылова в лучших образцах — это, конечно, «маленькие комедии», где авторская позиция по законам драматургии проявляется не в речах резонерствующего персонажа, а в столкновении разнонаправленных мотивов поведения, из которых истиной в конечной инстанции может не оказаться ни один. Регистр комедийной практики Крылова в его басенном творчестве предельно широк: от фарса до высокой комедии, которая может разрешаться трагическим катарсисом.

Поэтому представление о баснописце как о благостном «дедушке Крылове» изначально неверно. Великолепный истинно русский ум, который отмечали в нем наиболее прозорливые современники, определяет высокое искусство Крылова-баснописца, исчерпавшего жанр классической басни, создавшего шедевры, не сводимые ни к дидактической прописи, ни к отвлеченной притче, ни к исчерпанному раз и навсегда историческому применению. Басня — это и аполог, и притча, и сатира, и сценка, и распространенная пословица. Но она еще и анекдот, вспоминаемый по поводу сиюминутного события.

Чтобы не создалось впечатления, что в данном случае мы искажаем или модернизируем жанр крыловской басни, напомним определения жанра анекдота, сформулированные в ту пору По Кошанскому, «цель его (анекдота. — С. Ф.) объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели (иногда порока), сообщить любопытный случай, происшествие, новость...»³ По Никитенко, анекдот — «краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычности, новости или неожиданности. Главнейшие черты хорошо рассказанного анекдота суть краткость, легкость и искусство сберечь силу или основную идею его к концу и заключить оный чем-нибудь разительным и неожиданным».⁴

³ Кошанский Н. Ф. Частная риторика. СПб., 1832. С. 65—68.

⁴ Энциклопедический словарь. СПб., 1835. Т. 2. С. 303. См. также Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи. Хельсинки, 1995. С. 29—33.

Выявляя своеобразие крыловской басни, Л. С. Выготский убедительно доказывает, что действие ее строится на противоборстве двух планов, изначально запрограммированных в рассказе, заканчивающемся неожиданным прояснением скрытого до поры до времени смысла — катастрофой, пуантом; по сути дела, басня здесь анализируется по законам анекдота (хотя психолог, случайно или нет, и не вспоминает прямо об анекдоте)⁵

Советской эпохе не случайно оказалась особенно близка именно эта грань классического жанра, так как по преимуществу в анекдоте в эту пору и бывало по необходимости «мнение народное».

Этот тезис проиллюстрируем примерами, взятыми из романа Солженицына «В круге первом».

Описывая быт «шарашки», писатель рассказывает забавное поначалу происшествие, закончившееся тоже анекдотически, но отнюдь не весело:

«В прошлый воскресный вечер, веселя публику, Рубин экспромтом сочинил пародию на крыловскую „Ворону и Лисицу“, полную лагерных терминов и невозможных для женского уха оборотов, за что его пять раз вызывали на „бис“ и качали, а в понедельник вызвал майор Мишин и допрашивал о возвращении нравственности; по этому поводу было отобрано несколько свидетельских показаний, а от Рубина — подлинник басни и объяснительная записка».⁶

Второй крыловский анекдот интерпретируется в романе предельно трагично:

«Превозмогая боль и дурноту, Рубин так же мерно старался ходить по коридору. Ему припомнилась басня Крылова „Булат“. Басня эта на воле проскользнула мимо его внимания, но в тюрьме поразила:

Булатный сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам,
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там

Мужик же булатом драл лыки, щепал лучину. И однажды Еж спросил Булата в избе под лавкой, не стыдно ли ему? И Булат ответил Ежу, как сотни раз отвечал себе Рубин:

Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен!⁷

И развивая традиции Крылова, Солженицын завершает свой роман характерным советским анекдотом-былью, упоминая об иностранном корреспонденте, который отмечает рост благосостояния жителей Москвы, заметив участвовавшее дви-

⁵ Выготский Л. С. Психология искусства М, 1965

⁶ Солженицын А. И. В круге первом М, 1990 С 396

⁷ Там же С 545

жение по улицам города фургонов с надписью «Мясо» (ему невдомек, что в таких фургонах гэбисты развозят заключенных)...

Нельзя не отметить, что в эпоху гласности, когда политический анекдот исчезает за ненадобностью, так как общественная жизнь приучила к обнаженной анекдотичности повседневных ситуаций, басни Крылова то и дело приходят на ум. И это, конечно, тоже не случайно. Продолжая мощную литературную традицию, баснописец Крылов был писателем нового времени. Сатира его, как правило, социальна, а сам поэт предстает проницательным психологом, воспроизводя склад ума и чувств всех российских социальных групп и слоев, более стойкий, нежели политическая система. В этом отношении он прямой предшественник Салтыкова-Щедрина.

Упомянем в этой связи издание басен Крылова (СПб., 1864) с иллюстрациями академика Трутовского, в которых выявлен — только на первый взгляд неожиданный — актуальный смысл нестареющих анекдотов, прямо аукнувшийся в эпоху великих реформ Александра II. Было бы любопытно повторить подобное издание сейчас, сопроводив его, возможно даже, фотографиями, — особенно такие басни, как «Синица», «Лягушки, просящие царя», «Ручей», «Раздел» и т. д. и т. п. — вплоть до последней крыловской басни «Вельможа».